

А. П. НАЗАРЕТЯН

Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи*

В 90-е годы работы отечественных политологов пестрят рассуждениями в духе тютчевской сентенции: "Умом Россию не понять..." Хотя при этом предлагается очень широкий спектр коннотаций - от "хранилища мировой духовности" до "страны дураков", - теоретиков подобного толка объединяет убеждение в способности понять "умом" Америку, Францию и Испанию, Китай и Конго, но только не родную страну, где все не как у всех...

При наличии сильного желания доказать себе свою собственную неординарность за примерами далеко ходить не нужно. Взгляните хотя бы на странные итоги массовых пропагандистских кампаний. Когда официальная пресса, радио и телевидение дружно обрушились на Б. Ельцина (конец 80-х годов), тот вопреки логике сделался национальным кумиром и с блеском выиграл президентские выборы в июне 1991 года. Затем объектом интенсивного развенчания и осмеяния стал В. Жириновский, и это способствовало его шумному успеху на выборах в Думу (декабрь 1993 года). В декабре 1995 года большинство мест в Думе получили представители КПРФ - очередного героя телевизионной травли. Это ли не доказательство уникальной российской иррациональности?

Правда, интенсивнейшая кампания на ТВ, радио и в большинстве газет в поддержку Ельцина не помешала, а отчасти даже помогла ему выиграть также и выборы 1996 года (к причинам данного обстоятельства мы вернемся при изучении соответствующей темы), но и этот факт не изменил лейтмотив некоторых комментариев. Вместо беспримерного духа противоречия заговорили о непостижимом конформизме, однако сюжет "мы не похожи на других" сохранился...

Между тем сходная проблема обсуждалась американскими публицистами и учеными еще полвека назад, а поводом стала неожиданная победа Ф. Рузвельта на президентских выборах 1940 года.

К тому времени среди политологов и социологов США утвердилось представление об абсолютных возможностях средств массовой коммуникации (СМК) в манипулировании общественным мнением. На американцев произвели сильное впечатление успехи, достигнутые коммунистическими идеологами в СССР и фашистскими идеологами в Германии. Отдельные же свидетельства тотальной дезинформированности людей в этих странах просто потрясли (выяснилось, например, что немецкие военнопленные

* Статья представляет собой вводную лекцию курса политической психологии (журнальный вариант) на кафедре акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Н а з а р е т я н А к о п П о г о с о в и ч - доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор.

считают Нью-Йорк разрушенным авиационными налетами, и, даже увидев своими глазами городские небоскребы, они не разуверились в геббельсовской пропаганде, а удивлялись предприимчивости американцев, "сумевших так быстро восстановить разрушенное").

Опыт Германии и России в глазах американских аналитиков красноречиво демонстрировал наличие прямой зависимости между частотой повторения тезиса и силой его влияния на общественное мнение. Исходя из этой простой концепции и зная, что большинство газет и радиостанций активно агитируют против переизбрания Рузвельта на третий срок, обозреватели единодушно предсказывали его поражение. Поэтому победа Рузвельта многих озадачила. Кто-то заговорил об американской неординарности (мол, умом не понять), кто-то - о беспомощности политической науки вообще. Вместе с тем этот факт вызвал всплеск интереса к политической психологии и послужил основанием для серии исследовательских программ, которые дали очень ценные научные результаты, а также новые яркие имена.

Тогда же было замечено, что внимание политологов, социологов и экономистов к психологии обычно возрастает вслед за очередным неудавшимся прогнозом или проектом, обнаруживающим всякий раз, что механизм человеческих действий не всегда доступен прямолинейному "уму". Один журналист даже вспомнил по этому поводу ироническое замечание А. Чехова: некоторые полагают, будто человек есть простая машина, а на самом деле человек - машина очень сложная...

О феноменах, которые теперь относят к сфере политической психологии, издревле размышляли политики, полководцы, философы и религиозные пророки. Но только в середине XIX века обозначились направления систематических исследований. Это те же научные школы, что считаются основополагающими и в социальной психологии: франко-итальянская "психология масс" (Г. Лебон, Ш. Сигеле, В. Парето, Г. Тард) и немецкая "психология народов" (Г. Штейнталь, М. Лазарус, В. Вундт). Французские и итальянские ученые изучали феномены массового стихийного поведения, механизмы заражения и подражания, неосознаваемые мотивы социальных действий. Немецкие ученые сконцентрировали внимание на культурно-психологических особенностях различных этносов, отражающиеся в языках, мифологиях и т. д.

Близкие к политической психологии научные направления сложились и в России второй половины XIX - первых десятилетий XX века: теория культурно-исторических типов (Н. Данилевский), одушевленная историография (А. Лаппо-Данилевский), субъективная социология (М. Михайловский), коллективная рефлексология (В. Бехтерев), гелиопсихология (А. Чижевский). Работы названных ученых в значительной мере предвосхитили тенденцию психологизации социальной науки, осознание ею своего человеческого измерения. Чижевский же стал первым в мире ученым, исследовавшим влияние космических процессов, особенно солнечной активности, на энергетические состояния живой клетки и проявление этой зависимости в динамике политических событий.

На рубеже веков были изданы книги психиатра П. Ковалевского, профессионально составившего на основании доступных сведений портреты выдающихся политических деятелей прошлого, и К. Головина, изучавшего с психологической точки зрения современные ему политические события.

20-е и начало 30-х годов ознаменованы, кроме уже упоминавшихся исследований Бехтерева и Чижевского, чрезвычайно оригинальными для своего времени работами по изучению восприятия газетных материалов (П. Блонский), слухов (Я. Шариф), культурных различий в восприятии и мышлении (А. Лурия).

Во второй половине 30-х годов работы такого рода были надолго заблокированы. Социальная наука вообще была по большей части вытеснена сталинским "истматом", а все, что от нее сохранилось (философия, история, политэкономия), подчинилось жесткой идеологической цензуре, не оставившей места для "психологических упражнений".

В таких условиях в СССР до начала 70-х годов исследования, имевшие хотя бы

самое отдаленное касательство к политической психологии, осуществлялись только в рамках педагогики (теория коллектива и т. д.), тогда как за рубежом это был период бурного развития политико-психологической науки. Возобновившиеся затем работы по социальной психологии носили почти исключительно вторичный характер: философизированная критика "буржуазной науки" в сочетании с эпигонским заимствованием экспериментальных и прикладных методов. Непосредственно же политико-психологическая проблематика (хотя сам этот термин оставался под запретом) изучалась в закрытых учреждениях, и, насколько мне известно, подобные исследования также не отличались методологической или методической оригинальностью. За шесть десятилетий пионерские традиции отечественной социальной и политической психологии были утеряны. Возродить их - задача нового поколения ученых...

Политическая психология составляет единое исследовательское поле с такими научными областями, как общая, социальная, историческая, этническая, экономическая психология, с одной стороны, и политология, социология, политическая экономия, политическая социология - с другой. Чтобы все же выделить ее специфический предмет в континууме социальных фактов, необходимо разобраться с понятиями "политика" и "политическая активность".

Политика - это отношение между большими социальными группами (макрогруппами): этносами, нациями, сословиями, классами, конфессиональными общностями, партиями, государственными образованиями и т. д. Соответственно политическими можно считать действия, в которых практически воплощаются формальные или неформальные межгрупповые отношения. Таким образом, сфера политической активности включает огромное разнообразие социальных событий - от уличных скандалов до гражданских и международных войн и от индивидуального участия в выборах до государственного регулирования противоречий.

Следует подчеркнуть, что приведенные определения политики, а значит, и политической активности построены в парадигме расплывчатых множеств. Более жесткие дефиниции здесь едва ли возможны по ряду причин. Прежде всего, в социологическом плане очень трудно обозначить грань между группой и социальным конгломератом, а также между большой и средней группой.

Для психолога ядро проблемы составляет, конечно, ее субъективная компонента. Если некоторое множество людей может быть выделено по более или менее долгосрочному основанию (например, этническая, расовая, возрастная характеристика, гражданство, территориальная близость, место в системе экономических отношений и проч.), но принадлежность к этому множеству для них самих и для окружающих не значима, то речь может идти лишь о социальном конгломерате или так называемой условной группе. Это множество людей становится единым субъектом деятельности и социальных (тем более политических) отношений постольку, поскольку формируется их взаимная идентификация как носителей общих интересов и целей, не совпадающих с интересами других групп, и оно может терять свои субъектные качества по мере растворения в системе более релевантных внешних и внутренних связей.

Так, по описаниям современников, в Европе первой половины XIX столетия очень немногие рабочие сознавали свою принадлежность к данной социальной категории, и в этом смысле "рабочий класс" как носитель определенных политических интересов, целей и ценностей существовал лишь в концепциях прозорливых теоретиков. В последующие десятилетия в передовых странах происходил интенсивный процесс формирования профсоюзов, рабочих партий и международного рабочего движения. Рабочие превращались, по выражению К. Маркса, из "класса для других" в "класс для себя" и к началу XX века стали мощной самостоятельной силой европейской политики.

Однако, вопреки прямолинейным прогнозам марксистов, дальнейшее развитие производственных технологий, экономических и политических структур размывало каноническую классовую дифференциацию. В 60-е годы обществоведы-марксисты испытывали муки ада, стараясь вместить новые реалии Западной Европы в прокрустово ложе теоретических моделей, предсказывавших дальнейшую поляризацию, "усилива-

ющийся антагонизм труда и капитала", и с ужасом обнаруживали, что не более трети тех, кого они включают в категорию "рабочий класс", согласны считать себя рабочими. К концу 80-х деление западного общества на пролетариев и капиталистов осталось уделом лишь самых твердолобых революционеров: пролетарские настроения прошлого были вытеснены расплывчатой и пассивной самоидентификацией "средний класс".

История и современность содержат бесчисленные примеры того, как подобного рода метаморфозы происходят с этническими, территориальными, языковыми, религиозными и иными общностями, отчетливо проявляясь в политической жизни. С одной стороны, условные группы, проникаясь общим сознанием, превращаются - подчас довольно неожиданно - в мощный политический фактор; сравнительно малочисленные, но активные группы "сознательных революционеров", "национальных интеллигентов" и прочих "выразителей интересов" дают импульс формированию больших самоидентифицирующихся сообществ. С другой стороны, массовые политические субъекты со временем рассасываются, расчлняясь и(или) вовлекаясь в самосознание иных социальных групп.

Достаточно расплывчаты грани между политическим и неполитическим действиями также в планах содержательном и интенциональном (степень преднамеренности). Скажем, бытовая ссора не имеет отношения к политике до тех пор, пока взаимные упреки остаются в рамках существа конфликта или "абстрагирующие" оскорбления касаются индивидуальных или микрогрупповых различий ("толстяк", "глиста", "коротышка", "пьянь", "вся ваша семья такая"...). Но если противники воспринимают друг друга как представителей различных макрогрупп и доминирующими становятся национальные, сословные, религиозные и прочие номинации, то события приобретают политическую окраску и при определенных условиях способны развиваться по соответствующему сценарию.

Очертив по мере возможности предметную область исходной категории "политическая активность", определим политическую психологию как стыковую дисциплину, изучающую мотивацию политической активности.

Понятие мотивации необходимо и достаточно для определения предмета данной науки, поскольку это психологический эквивалент общенаучной категории причинности и в нем, как в воронке, концентрируются все прочие концепты, которыми оперирует психология. Чтобы понять мотивы поведения, нужно выяснить, как данный субъект (индивид или группа) видит мир и себя в мире, как внутренне структурирует ситуацию, каковы его потребности, цели и ценностные ориентации, особенности восприятия, мышления, эмоциональных переживаний (включая эмоциональное состояние в данный момент) и многое другое. Исходя из этого, психолог объясняет происшедшие события, строит прогноз, разрабатывает приемы управления сознанием и поведением.

Оговорюсь, что популярный ныне термин "политическое сознание", используемый иногда при определении предмета, не вполне корректен из-за многозначности понятия "сознание". Последнее употребляется по меньшей мере в трех существенно различных значениях: философском (сознание - бытие), социологическом (сознательность - стихийность) и психологическом (сознательное - бессознательное; осознаваемое - неосознаваемое), и это часто становится источником недоразумений. Для психолога преимущественный интерес представляют нерелексируемые или слабо релексируемые пласты интегральной субъективной реальности, а также намеренно скрываемые мотивы. Именно их выявление обеспечивает нетривиальность, а тем самым и продуктивность психологического исследования.

Концептуальные основания политической психологии и ее место в системе научного знания определяются тем, что мотивы человеческих действий вообще и политических в особенности никогда не обусловлены непосредственно внешними предметными обстоятельствами, но всегда - видением этих обстоятельств сквозь призму выработанных культурным опытом целеориентаций, ценностей, норм, актуализированных и эмоционально окрашенных ожиданий, образов и установок. Иначе говоря, человек всегда

пристрастен в своем отношении к миру, и без учета данного факта ни одно социальное событие (складывающееся из совокупности целенаправленных человеческих действий) не может быть ни понято по существу, ни тем более предвосхищено или подвергнуто сознательному регулированию.

Хотя это методологическое обобщение, названное принципом единства деятельности и сознания [1—3], в теории уже никем не оспаривается, его очень часто игнорируют. Исследования по когнитивной психологии [4] показали, что "наивный" субъект, не отягощенный опытом психологической рефлексии, склонен считать собственные восприятия и действия естественными, единственно разумными при данных обстоятельствах и замечает наличие "психики" у другого человека только тогда, когда тот реагирует на ситуацию необычно с точки зрения наблюдателя. Особенно часто такое происходит при контакте представителей различных культур, исторических эпох ("культурный шок").

У обществоведа эгоцентрическая наивность проявляется в невольном стремлении экстраполировать собственные ментальные схемы, приняв их за общечеловеческие константы и тем самым "обездушив" и себя самого, и исследуемую реальность. Стоит заметить, что ретроспективные модели "без психологии" (когда действия людей представляются как непосредственные реакции на внешние обстоятельства) могут выглядеть правдоподобно¹. Но попытки выстроить в том же ключе социальные прогнозы и тем более проекты раз за разом оказываются ущербными: люди ведут себя не так, как ожидается, логически безупречные экономические программы терпят крах, самоочевидные аргументы отторгаются аудиторией и т. д.

В этом контексте характерно настойчивое стремление многих аналитиков объяснять едва ли не все политические события игрой экономических интересов. Памятуя формулу о политике - концентрированном выражении экономики - и игнорируя даже такие банальные факторы, как человеческая глупость и профессиональная некомпетентность, они представляют нам действующих субъектов по аналогии с жестко запрограммированными роботами, а очевидные провалы в политике, как и в экономике, сводят к злонамеренным козням меркантильных хитрецов.

Чтобы убедиться в недостоверности такой объяснительной схемы, достаточно оглянуться на историю России XX века, там (как и в истории любой страны за достаточно длительный временной период) мы обнаружим множество политических событий, не поддающихся объяснению через реальные экономические интересы. Самыми драматическими примерами могут служить Октябрьская революция 1917 года и развал СССР в 1991 году. Показательно, что в каждом случае деструктивные действия рационализировались квазиэкономическими мифами, которые выглядели убедительно в глазах современников и надежно камуфлировали подлинные - намеренно утаиваемые или, чаще, неосознаваемые - мотивации.

Так, в конце 80-х чуть ли не в каждой республике и даже области находились грамотеи, доказывавшие с цифровыми выкладками тезисы типа: у нас есть нефть (хлопок, золото, морские курорты, трудолюбивый народ и т. д.), но нас грабят, а добившись самостоятельности, будем жить, как в Кувейте (Швейцарии, Дании...). Со своей стороны идеологи Союза утверждали, что все это буря в стакане воды, ибо ни одна республика не сможет выделиться из единой экономической системы, как и не сумеет жить самостоятельно, поскольку ее продукция неконкурентоспособна на зарубежном рынке. В итоге Союз распался, всем худо-бедно удается выжить, но новых Кувейтов и Швейцарий на горизонте не видно...

Все сказанное, разумеется, не исключает влияния экономических факторов на политические процессы. Но такие влияния, во-первых, сложно опосредованны и потому неоднозначны по содержанию, а во-вторых, исторически изменчивы по силе. В доста-

¹ Тем не менее и историки современной формации уже не довольствуются такими моделями, стремясь, по выражению французского ученого М. Блока, за сухими документами "увидеть людей" [5]. Это одно из проявлений общего процесса психологизации и антропоцентризации постнеклассической науки, охватившего как обществоведение, так и естествознание [6].

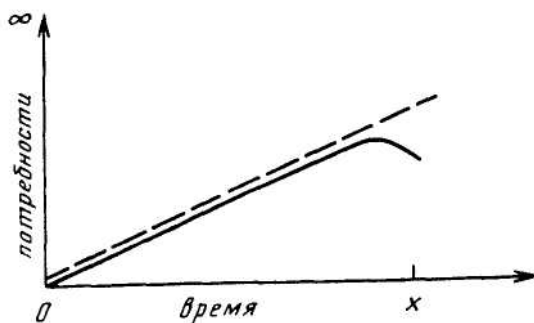
точно устойчивой социальной системе современного типа, переживающей спокойный период развития, можно более или менее успешно прогнозировать ход политических событий, ограничившись знанием соотношения экономических интересов и культурных традиций и приняв собственно психологические факторы за константу. С приближением же системы к состоянию неустойчивости (кризиса) роль психологических факторов резко возрастает и прежние процедуры прогнозирования становятся контрпродуктивными. При этом экономические реальности мифологизируются, а социальные мифы наполняются экономическим содержанием.

Реальное соотношение экономических, политических и психологических факторов в развитии социальных процессов иллюстрирует классическое исследование американского психолога Дж. Девиса [7].

Анализируя предпосылки революционных ситуаций в различных странах и в различные эпохи, Девис сопоставил две альтернативные версии, принадлежащие Марксу и его (Маркса) старшему современнику, выдающемуся французскому историку А. де Токвилю. Согласно первой из них, революция происходит вследствие невыносимого обнищания народа. Автор второй версии указал на тот факт, что революциям всегда предшествует улучшение качества жизни (экономический рост, расширение политических свобод), которое влечет за собой опережающий рост потребностей. (Например, перед революцией 1789 года уровень жизни французских крестьян и ремесленников был самым высоким в Европе; на первую в Новой истории антиколониальную революцию поднялись в середине XVIII века североамериканцы, жившие в самой богатой и хорошо управляемой колонии мира, и т. д.)

Изыскания американского психолога показали, что по-своему правы и Токвиль, и Маркс. Революционному кризису, действительно, обычно предшествует длительный период, на протяжении которого экономические и политические возможности последовательно возрастают, и эта положительная динамика сопровождается ростом ожиданий. Но рано или поздно на фоне продолжающих по инерции расти ожиданий происходит относительный спад, вызванный объективными осложнениями: исчерпанием ресурсов экстенсивного развития или неудачным ведением войны. Усиливающийся разрыв между ожиданиями и возможностями оценивается людьми как катастрофа, как ущемление их жизненных потребностей, элементарных прав и проч. Возникает состояние массовой фрустрации, неопределенной агрессивности, фиксирующейся затем на конкретных объектах. (Дальнейший ход событий зависит и от прочности социальных институтов, ценностных ориентаций, и от действий политических лидеров, умеющих либо своевременно применить меры, способствующие снижению агрессии, либо направить агрессию в нужное им русло - на "национальных врагов", "классовых врагов"...)

Характерную причинно-следственную зависимость Девис представил в виде простого обобщающего графика, где 0 - условная точка начала отсчета, сплошная линия отражает динамику реального удовлетворения потребностей, пунктирная линия - динамику ожиданий, а точка x на шкале времени - момент, когда разрыв между ожиданиями и действительностью ощущается как невыносимый (революционная ситуация).

Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация

В 70-е годы автору этих строк при участии зарубежных слушателей Института общественных наук при ЦК КПСС довелось провести серию исследований для дополнительной проверки выводов Девиса на материалах из истории России и других стран и убедиться в высокой достоверности модели.

Так, на протяжении XIX века экономический уровень жизни, объем социальных свобод и возможностей русского крестьянства последовательно возрастали. Как следствие крестьян, которые в начале столетия в большинстве своем не помышляли об изменении статуса крепостных, все менее удовлетворяло их закабаленное положение. Когда в 1853 году началась Крымская война, по губерниям прошел слух, будто ее участники получат вольную грамоту, и последовали массовые просьбы о посылке на фронт. Война завершилась неудачно для России, а слух о вольной для ветеранов оказался ложным. Усилившееся недовольство выразилось пожаром барских усадеб. В России сложилась острая критическая ситуация, которую тогда мудрые правители страны смогли разрешить "сверху": в 1861 году было отменено крепостное право, стали быстро складываться новые социальные реалии, ускорилось расслоение крестьянства, и агрессивные настроения постепенно спали.

В результате поступательные экономические и политические реформы продолжались, хотя и с известными трудностями. В начале XX века Россия была наиболее динамично развивавшейся страной мира. Именно она и оказалась, по хрестоматийному выражению В. Ленина, "самым слабым звеном в цепи империалистических государств". Проигранная в 1905 году война с Японией, неудачный ход мировой войны в 1914-1917 годах, связанные с этим неожиданные трудности в экономике и в других сферах жизни вызвали массовые разочарования. Недовольства каждый раз умело разжигались хорошо организованными группами профессиональных революционеров, сочетавших пропаганду и агитацию с многолетним физическим террором против наиболее эффективных политиков консервативной и реформаторской ориентации. Ослабленное и растерявшееся руководство страны во главе с интеллектуально посредственным монархом теперь уже не смогло найти таких решений, которые бы предотвратили три разрушительные революции...

Исследование кризисных ситуаций демонстрирует, насколько значимость психологического контекста способна перекрывать значимость экономических и прочих "объективных" обстоятельств. Последние воспринимаются сквозь призму неудовлетворенных ожиданий. Фрустрация порождает аффективные состояния, которые усиливаются механизмом эмоционального резонанса (заражения) и, в свою очередь, уплощают образ мира, примитивизируют мышление и деятельность (аналогичная зависимость наблюдается психологами и в лабораторных экспериментах [8]). Несвоевременный подвоз продуктов в магазины оценивается как "голод", попытки властей восстановить порядок на улицах - как невыносимые репрессии. Уплотненный, аффективно окрашенный образ ситуации ориентирует на поиск самых простых решений и энергичных лидеров, люди "обманываться рады" и охотно идут в сети более или менее добросовестных агитаторов.

При этом радикально уплощаются образы не только настоящего и будущего, но и прошлого. В обыденном сознании отчетливо проявляется феномен, названный ретроспективной аберрацией: воспоминания, окрашенные в мрачные тона актуальных настроений, рисуют прошлое как бесконечную череду тягот и унижений, т. е. в некотором смысле "с точностью до наоборот". Потом уже с неизбежным разочарованием приходит ностальгия. Но летописцы и историки, особенно ангажированные революцией, фиксируют преимущественно слухи, анекдоты и воспоминания в пике революционной активности, а отсюда - выводы об обнищании и репрессиях как причинах социального взрыва...

Изучение механизмов, закономерностей и специфических особенностей политической мотивации способствует не только совершенствованию исторического анализа ситуаций. *Экспликативная (объяснительная)* задача политической психологии дополняется *прогностической, проективной, инструментальной и эдукативной (воспитательной)* задачами. Это значит, что она помогает, во-первых, лучше понимать причины уже происшедших событий и извлекать из них необходимые уроки; во-вторых, прогнозировать грядущие события и оценивать их сравнительные вероятности;

в-третьих, строить реалистические социальные проекты; в-четвертых, разрабатывать инструментарий для активного влияния на мышление и поведение людей; в-пятых, воспитывать у граждан способность и готовность к сознательному сопротивлению политическим манипуляциям.

Частично проиллюстрирую сказанное еще несколькими примерами.

В 1992-1993 годах, работая с региональными политическими активистами, психологи утверждали, что в близком будущем России не грозят "голодные бунты", которых все тогда опасались. Наблюдения и специальные исследования показали: в стране отсутствует необходимый для этого фон - растущие экономические ожидания. Одновременно мы предупреждали о другой опасности, еще многими не замеченной. Прогрессирующая автономизация республик и областей стимулировала рост притязаний местных элит на независимость от центральной власти. Но рано или поздно правительство должно было начать сдерживать центробежные тенденции, и именно в этой сфере следовало ожидать образования трещин (недовольство регионов "диктатом" центра, конфликты, политические беспорядки).

Действительно, голодные бунты так и остались воображаемым кошмаром. Вместе с тем руководство страны не вполне учло реальные угрозы, не использовало систематически помощь профессиональных психологов, культурологов, этнологов при принятии политических решений. В результате последовательной серии ошибок, в том числе и сугубо психологического характера, с 1994 года противоречия между центром и провинциями стали приобретать драматический характер...

... В 1969 году произошел сенсационный побег группы влиятельных венесуэльских коммунистов из каракасской тюрьмы Сан Карлос. Этот факт стал предметом гордости международного революционного движения, детали побега многократно описывались в прессе и в литературе, по материалам события снят известный игровой фильм "Это сладкое слово свобода".

Но опубликованные через несколько лет мемуары резидента ЦРУ в Каракасе поумерили прежние восторги. Оказывается, американцы не только заранее знали о побеге, отслеживали этапы его подготовки, но и, оставаясь в тени, сделали все возможное, чтобы ему способствовать.

Парадокс объясняется сравнительно просто. Хорошо изучив к тому времени психологию коммунистов вообще и лидеров Коммунистической партии Венесуэлы (КПВ) в частности, эксперты ЦРУ "просчитали", что между прославленными беглецами и оставшимися на свободе руководителями обострится разрушительная борьба за власть. Расчет блестяще подтвердился. К середине 1970-х годов спаянная когда-то КПВ окончательно превратилась

в множество враждующих между собой группировок, переставших представлять потенциальную угрозу для американских интересов...

... Военный переворот в Сантьяго осенью 1973 года был сопряжен с серьезными опасностями для самих его организаторов и вдохновителей. В Чили и в соседних странах имелись подготовленные и хорошо организованные группы сторонников законного президента - социалиста С. Альенде, друга и последователя Ф. Кастро. Нацеленные на вооруженную "антиимпериалистическую борьбу", они успели приобрести значительный авторитет в массах, среди которых были весьма распространены антиамериканские настроения, идеи латиноамериканской солидарности, симпатии к СССР, Кубе, левым политикам

и продолжающим кое-где сражаться партизанам. По убеждению зарубежных наблюдателей

и самих чилийцев, попытка военного путча, паче чаяния она будет предпринята, высечет искру, от которой запылает чуть ли не вся Южная Америка (ее тогда так и называли - "Пылающий континент").

Сознавая наличие такой угрозы и тщательно готовя переворот, специалисты ЦРУ внесли

в сценарий специальные приемы, призванные психологически заблокировать организованное сопротивление. С началом военных мероприятий по осуществлению переворота, ставшего по-настоящему неожиданным для правительства и близких ему политических лидеров, по Сантьяго интенсивно распространялся слух. Рассказывали, что боевая бригада (пятая часть чилийской армии) под командованием популярного в народе левого генерала К. Пратса с севера движется к столице, "обрастая, как снежный ком, добровольцами". Активные сторонники Альенде охотно поверили этой весьма желанной информации, которую быстро подхватили все иностранные агентства, и решили затаиться, чтобы выступить в роли "пятой колонны" одновременно с подходом сил извне.

Вместе с тем миллионы радиоприемников были настроены на волну Московского радио, пользовавшегося тогда особым доверием у латиноамериканцев. И в Москве "заглотили наживку": первое же сообщение новой, оперативно созданной передачи "Слушай, Чили!" было посвящено мифической бригаде Пратса, причем, в отличие от других радиостанций, информация передавалась не как слух, а в качестве безусловного факта.

Только этого и ждали путчисты. Пратс, которого чилийцы хорошо знали в лицо и который на самом деле находился в столице под домашним арестом, был доставлен в центральную телестудию и "проинтервьюирован". Первый вопрос звучал примерно так: "Московское радио сообщило, что вы во главе армейской бригады движетесь к Сантьяго. Как вы можете прокомментировать эту информацию?..".

Мне пришлось беседовать с десятками чилийских беженцев - коммунистов и социалистов - буквально через неделю после описанных событий и позже. Все рассказывали про телеинтервью, относя его к числу самых ярких и шокирующих впечатлений тех дней, но не смогли вспомнить, что же ответил генерал и были ли еще вопросы. Само его появление на экране и вступительный вопрос ведущего были настолько информативны и эмоционально значимы, что это стало одним из решающих факторов деморализации потенциальных бойцов...

Переворот не получился и, наверное, не мог получиться бескровным. Сотни трупов были подобраны на улицах Сантьяго, еще тысячи людей - расстреляны и замучены в тюрьмах. И все же ожидавшейся многими гражданской войны с непредсказуемыми последствиями и масштабами жертв удалось избежать. Известную роль в этом сыграло умелое использование психологического приема...

Приведенные примеры носят предварительный характер и будут умножены при изложении конкретных тем курса. Мы рассмотрим и то, как ложные представления о человеческой мотивации, воплощенные в политические решения, дают дисфункциональные эффекты, и как циничное манипулирование сознанием, обеспечивая желательный для политика тактический результат, оборачивается затем крупным поражением, и как знание о манипулятивных приемах помогает личности сохранить сознательный самоконтроль.

Я постараюсь также показать, что технология политического действия всегда так или иначе сопряжена с моральной составляющей человеческих отношений, которая в ряде случаев становится решающей и с собственно прагматической точки зрения. Поэтому предлагаемый курс политической психологии построен таким образом, что рассказ о психологических технологиях предваряет и сопровождает обсуждение сквозной проблемы: "Политика, психология и мораль"...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.
2. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
3. *Назаретян А.П.* О месте социально-психологических законов в системе законов материалистического обществоведения // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 6.
4. *Kelly H.H.* Causal Scemata and Attribution Process // Attribution: Perceiving the Causes of Behaviour, Merrinstown, 1971.
5. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1996. С. 18.
6. *Назаретян А.П.* Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1991. С. 26-42.
7. *Davis J.* Toward a Theory of Revolution // Studies of Social Movements. A Social Psychological Perspective. New York, 1969.
8. *Петренко В.Ф.* Экспериментальная психосемантика: исследования индивидуального сознания // Вопросы психологии. 1982. № 5.